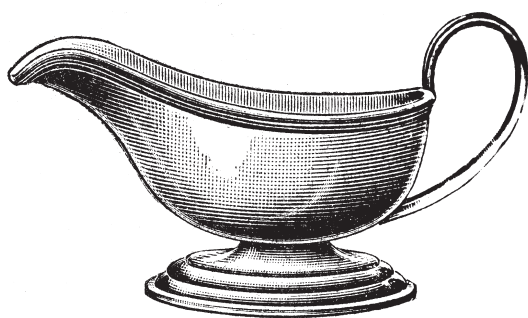

Перекус

Поначалу с готовкой у меня не ладилось. Как вспомню свои первые дни на кухне, так даже стыдно.

Но тебе нужно кое-что знать о Пол Поте. У него было прекрасное чувство юмора. Ей-богу, такой острый! Я с самой первой встречи запомнила, что он очень красивый и чудесно улыбается, а еще что он все время шутит.

Его любимая шутка — говорить все наоборот. Например, если ему казалось, что я слишком много всего наготовила, он говорил: “Как наша Мыан мало готовит. Все голодные останемся”. И смотрел мне в глаза, ожидая реакции. Да еще и улыбался этой своей удивительной улыбкой. А в первые месяцы, когда я подавала ему суп, он поглаживал себя по животу и говорил: “Объедение”. И поди разбери, шутит он или ему и правда мой суп так понравился.

Лишь со временем я поняла, что он все-таки шутит, а мне еще многому надо научиться, чтобы хорошо готовить.

И я училась. Для нас всех было очень важно, чтобы Брат Поук не ходил голодным. От того, сыт ли он, зависела наша жизнь. От этого зависел успех нашей Революции.

Каждый день я готовила несколько его любимых блюд: рыбу, салат с папайей, курицу. Готовила и думала: “Что-нибудь да выберет. Главное, чтобы наелся”. Тем более

Перекус

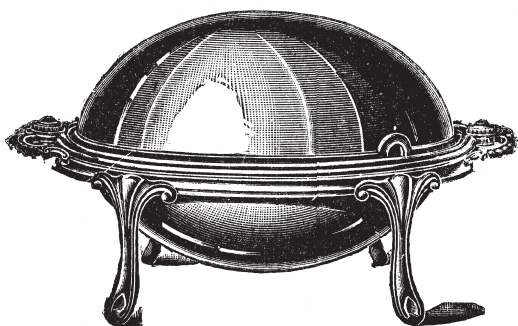
что у Пол Пота часто болел живот, из-за чего он не спал по ночам.

Вот почему готовила я много. Он видел уставленный блюдами стол и со смехом восклицал: “Как же наша Мыан мало готовит. Видать, ленится!”

И снова мне улыбался.

ЛАНЧ

Запеченная
КОЗА

Иди Амин —
президент Уганды

Рассказ Отонде Одеры, повара Иди Амина

1

Брат, сначала скажи мне, ты веришь в Бога? Веришь в Иисуса Христа, отдавшего жизнь свою ради нашего спасения?

Если все так, как ты говоришь, давай возьмемся за руки и вместе помолимся. Помолимся, как во времена апостолов.

Добрый Боже, по чьей воле и милости все мы живы, ты, который спас меня от гиен и гиппопотама, который вырвал меня из рук головорезов Иди Амина, уже тащивших меня в свои застенки на встречу со смертью; Боже, ты, который смотришь на нас в это мгновение, видишь, как мы смеемся и как плачем; который ставишь на наш стол пищу: хлеб, рыбу, как во времена Господа нашего Иисуса Христа, а также рис, курицу, морковь, котлету по-киевски, — прими благодарение наше за все дары Твои. Прими благодарение за гостей, прибывших выслушать историю моей необычной жизни.

Боже, который мне, мальчику из села Рамбуту на берегу Великого Озера, бедному луо, хоть тот и не окончил ни одного класса ни одной школы и даже не был в школу записан, чья мать обстирывала соседей побогаче и думать не думала, что доведется ее сыну спать в дорогом отеле и побывать

в других странах; которая и представить не могла, что сын ее будет готовить для президентов, летать на самолете за границу, пожимать руку первым чернокожим лидерам всех африканских стран, а они будут жать его руку в ответ и говорить ему “брат”; хотя ты дал мне все это — машины, хорошую одежду, — а позже в один день все у меня забрал, дабы показать, что нет на свете ничего прочного, кроме Твоей любви, — добрый Боже, Царь царей, мы хвалим Тебя и поклоняемся Тебе.

2

Из Кисуму, третьего по величине города Кении, по которому бродят продавцы шнурков и своры бездомных собак и где поджидают клиентов водители мототакси *бода-бода*, мы выдвигаемся на рассвете. Едем вдоль берега озера Виктория, огромного, как море, и тревожного, как смерть; его волны порой опрокидывают рыбацкие лодки. Со мной едет Юлия Прус, африканская корреспондентка “Польского радио”, и Карл Одера, местный журналист из того же племени, что и повар, к которому мы направляемся (у них даже одинаковая фамилия, но это совпадение случайно).

Мы едем к бывшему повару Иди Амина, диктатора Уганды, бросавшего своих противников на съедение крокодилам.

Проезжаем мимо лодок, выкрашенных желтой, зеленой, голубой и черной краской и украшенных изображениями популярных политиков, звезд сериалов и Иисуса Христа. Наконец мы приезжаем в деревню, где земля рыже-красная, точно запекшаяся кровь. Здесь мы сворачиваем, еще немного едем по дороге цвета крови, потом снова сворачиваем, потом еще раз и еще. Птицы поют как ошалевшие, ветки скребут по машине, а мы съезжаем с холма и паркуемся возле высокого дерева, под которым на ящике из-под апельсинов сидит в окружении семейства мужчина с внешностью библейского

патриарха. Он высокий и худой, как трава в саванне, у него выступающие скулы, а приблизившись, я замечаю длинные тонкие пальцы с крупными ногтями. Я подхожу к дереву, старик встает и обнимает меня — на мгновение меня охватывает чувство, будто я отыскал родственника, которого не видел много лет.

Мужчина с внешностью патриарха — это Отонде Одера. Его длинные пальцы резали мясо, овощи и дробили рис для двух президентов Уганды, в том числе для Иди Амина, кровавого диктатора, который, по слухам, ел человеческое мясо.

Готовил ли Одера Амину человечину? Как он его готовил? С чем подавал?

И как после такого жить?

Я хочу об этом спросить. Но как это сделать?

Не знаю. Пока не знаю. И у меня нет времени на раздумья, потому что Одера сразу ведет меня в дом, где на стене под однострунной скрипкой висит черно-белая фотография женщины.

Это мать.

С нее все началось, так что если уж беседовать по-божески, то начинать нужно с матери. И с истории, наложившей отпечаток на всю жизнь этого человека.

3

Мою мать звали Тереса Аназа. Отца — Одера Ойоде. До меня мать родила тринадцать детей, но все они умерли. Оспа, малярия, коклюш. Родители были очень бедны, и им нечем было заплатить доктору.

Никто не предполагал, что я выживу. У матери был уже очень большой живот, когда она отправилась навестить свою сестру. Муж тети, Ньянгома Оберо, был рыбаком, они жили на самом берегу Озера в селе Лиунда. Иногда дядя давал моим родителям рыбу. Мать ходила к ним раз в несколько недель.

От нашего дома до Озера было далеко, но мама не хотела оставаться там на ночь, поэтому, хотя и смеркалось, пустилась в обратный путь. Ей говорили: “Не ходи. На дороге полно гиен”. Всего несколькими днями ранее они сильно покусали одного мужчину.

Но мать заупрямилась. А если она упрячилась, переубедить ее было невозможно. Она попрощалась, обняла тетю, взяла узелок с рыбой и двинулась в сторону родной деревни.

Она шла и шла, пока солнце не спряталось за Озером и не стало холодать. Наступила ночь, а мать все шла.

Примерно на полпути ей стало нехорошо.

До меня она родила тринадцать детей и наверняка знала, что должно вот-вот случиться. Она подыскала подходящее местечко недалеко от дороги. Легла на землю — посреди поля, одна, вдали от людей. Потужилась. Показалась моя головка. Она снова потужилась и родила. В четырнадцатый раз роды проходят гораздо проще.

Мать сорвала острую траву и перерезала пуповину. Потом выдернула из земли кактус, а ямку от корней выстлала последом. Завернув меня в него, сама села рядом.

Издалека доносился вой гиен. Мать была уверена, что они почуют запах крови и придут. Позже она не раз говорила мне, что ждала смерти — моей. Но и своей тоже. Ей столько всего довелось пережить, что она была готова.

Однако гиены всю ночь кружили вокруг нас, но так и не приблизились.

А я не умер.

На рассвете мать завернула меня в какую-то тряпицу и отправилась в деревню. Когда она явилась, люди не могли поверить, что она пришла с живым младенцем. Все сбежались в наш дом. Пришел и один мудрый старик, умевший лечить и знавший будущее. Он сказал: “Если его не трогают гиены, значит, он будет жить очень долго”.

Старик оказался прав. Гляди, мне уже восемьдесят лет, а моей жизни хватит на десятерых.

4

Мы жили бедно, но не припомню, чтобы я ходил голодный. Чаще всего мы ели маниок или кассаву — муку из маниока с какими-то овощами. Мясо на столе появлялось крайне редко. Отец всегда держал две-три коровы, но, зарезав одну из них, он вез все мясо на базар: деньги были нам нужны, чтобы расплатиться с долгами — мы вечно занимали у соседей.

Пища моего племени, луо, довольно похожа на пищу *мзунгу*, то есть белых людей. Основа нашего питания — варенные овощи или мясо. *Мзунгу* едят картошку; мы — маниок, кашу или рис. Вот только *мзунгу* не хватит только каши или маниока с кусочком мяса: им подавай еще запеченный сыр, сверху надо выложить овощи, а мясо загодя потушить в вине. Кухня *мзунгу* — это еда людей, которые хотят показать, что в их руках власть. Потому что еда — это власть, я понял это, когда готовил для президентов. Если у тебя есть еда, то у тебя есть женщины, есть деньги, есть восхищение людей. Ты можешь получить все, что пожелаешь.

Еда луо — это еда людей, которые знают голод. Ты ничего никому не доказываешь. Ты ешь, просто чтобы были силы работать.

Пока я жил с родителями, я брался за разную работу. Сначала немного музицировал — играл на *оруту*, это такая скрипка, популярная среди луо: водишь смычком по одной струне, а инструмент упираешь в бедро. Так я подрабатывал на свадьбах и других праздниках.

Потом дядя взял меня к себе на лодку рыбаком. Я плавал с ним года два, пока однажды на меня не напал гиппопотам. Мы издалека видели, как он плывет в нашу сторону. Разъяренный гиппопотам гораздо опаснее крокодила, в воде он очень быстрый. Он подплыл и перевернул нашу лодку, мы беспомощно разлетелись в разные стороны. Чудо,

что все остались целы, потому что этот гиппопотам уже успел убить нескольких человек, и его боялись все рыбаки на Озере.

После нападения гиппопотама я сказал дяде:

— Не для того я, единственный из четырнадцати детей, выжил, чтобы теперь погибнуть, если он вернется.

Дядя признал мою правоту. Один из его сыновей, Сильвестр, работал в Кампале в Уганде — в клубе, куда приходило много *мзунгу*. Дядя велел мне отправляться на корабле в Кампалу, найти этот клуб, а уж Сильвестр наверняка поможет мне найти работу.

Для нас, луо, семейные связи очень важны. Ты знаешь, что бывший американский президент Барак Обама тоже луо? Его отец родом из деревни в двадцати километрах отсюда. И даже Обама, который и не жил здесь вовсе, чем может помогает своей семье. Вот почему я точно знал, что Сильвестр не откажет мне в помощи.

Я сел на корабль из Кисуму в Энтеббе, а оттуда отправился напрямик к своему кузену.

Клуб *Kampala* был очень важным местом для *мзунгу*, потому что многие, кого британское правительство нанимало для работы в Уганде, первые несколько недель жили в гостинице рядом с этим клубом, пока им не удавалось снять подходящий дом. Кузен работал там уборщиком, подметал полы.

Увидев меня, он страшно обрадовался, сразу же подошел к менеджеру и устроил меня помощником официанта. Я не знал ни слова по-английски, но, к счастью, этого и не требовалось. Мне нужно было только улыбаться и носить еду из кухни в зал.

А гиппопотам? Спустя некоторое время он просто исчез. Люди говорят, что это был дух воина, явившийся отомстить своим врагам.

5

Чтобы узнать больше о луо, я еду с Юлией и Карлом к старейшине племени, Маме Саре Обама, девятиностопятилетней благотворительнице, известной своей борьбой со СПИДом и сбором денег на учебу детей из окрестных деревень. Ее село, Когело, находится неподалеку от дома повара Отонде Одеры. Именно отсюда Барак Обама-старший отправился на учебу в США.

На территорию нас пропускает нанятый кенийским правительством охранник: он здесь не только работает, но и живет со всей своей семьей, его домик стоит рядом с въездными воротами. Охранник проверяет документы, спрашивает о цели визита к Маме Саре и, покончив с формальностями, показывает мне место, где похоронены основатели рода — дедушка и отец 44-го президента Соединенных Штатов.

Я иду им поклониться.

Рядом с простыми надгробиями из искусственного камня, под которыми покоятся бранные останки почтенных предков, пасутся две черно-белые коровы. Еще одна мычит в коровнике неподалеку — два дня назад она впервые в жизни отелилась и, видимо, еще не отошла от потрясения. Между ног у нас шныряют куры, над головами порхают бабочки. В родовом гнезде клана Обама по-деревенски тихо и сонно.

Бабушка Обама как раз просыпается после полуденного сна, надевает платье с африканскими узорами и принимает нас на террасе своего дома. Она была третьей женой Ядуонга Обамы. Бывший президент США зовет ее “бабушка”, хотя в их жилах течет разная кровь.

— Ядуонг был намного старше меня, — говорит Мама Сара Обама. — Когда мы поженились, мне было девятнадцать, а ему за сорок. Такие были времена: девушка не выбирала себе мужа. Приходила *ягам*, сваха, и говорила родите-

лям: “Такой-то мужчина интересуется вашей дочерью. Что скажете?”

На дворе стоял 1941 год, люди в этой части Кении всего несколько лет как впервые увидели самолет. На луо, языке нашего племени, самолет называли *деге*, и когда в какой-нибудь семье рождался ребенок, его тоже называли Деге, в честь удивительного изобретения. Когда появились первые ложки, в их честь тоже называли детей: Ойико. Или Асанда — в честь тарелки.

Но это не означает, что луо были плохо образованны. Напротив, они славятся самым образованным племенем во всей Восточной Африке. Если у кого-то из луо появляются деньги, он не бросается покупать себе машину или золото, а только и думает, в какую школу отправить ребенка. Ты видел детей в форме по дороге ко мне? Все они ходят в школу. Луо тянутся к знаниям.

Точно так же поступил мой муж. Он отправил детей в Америку, чтобы они получили там образование. Барак не взлетел бы так высоко, если бы не любовь луо к образованию.

Мне очень хорошо жилось с мужем, да я и сейчас уверена, что лучше свахи никто не подскажет, за кого выйти замуж. Да, Обама был старше; да, я была его третьей женой, но он прекрасно выглядел и был в отличной форме. Нам было хорошо вместе, но никому не дано жить вечно. Вот уже почти сорок лет я одна.

Но погоди, погоди. Что-то я не пойму... — приемная бабушка Барака Обамы делает театральную паузу. — А чего это ты меня так о моем покойном муже расспрашиваешь? Никак свататься надумал?

6

Над жилищем Отонде Одеры медленно заходит солнце, и мы перемещаемся из-под старого дерева в дом. Он построен из обожженного кирпича из местной глины, кото-

рая, высохнув на солнце, меняет свой кровавый оттенок на кремово-коричневый. Стены дома растрескались, через щели открывается вид на окрестности. Жестяная крыша при каждом порыве ветра гремит, словно вот-вот свалится нам на голову.

Но не сваливается.

Мы усаживаемся вокруг столика, пьем чай (который здесь так и называется — чай) и слушаем дальше.

ОТОНДЕ ОДЕРА:

Мне нравилось работать в клубе, а поскольку по природе я очень работающий, то все свободное время я помогал другим. То чемодан кому-то поднесу, то с уборкой помогу, то перегоревшую лампочку в гостиничном номере поменяю. Меня все любили, и через несколько месяцев одна супружеская пара *мзунгу* по фамилии Робертсон спросила, не хочу ли я сменить работу и устроиться к ним *samba boy*, то есть садовником.

Для такого паренька, как я, место *samba boy*, или просто *boy* (так называли юношей, работавших в домах *мзунгу*), было как поцелуй Господа. Я не раздумывая согласился. Переехал к Робертсонам, поселился в домике садовника рядышком с их виллой и каждый день стриг траву. Трава *мзунгу* по какой-то причине должна расти как по линейке. У нас это никого не волнует, потому что людям хватает забот и посерьезнее. Но *мзунгу* ради этого наняли отдельного человека — меня — и не уставали его поучать и наставлять.

К господину Робертсону я обращался просто “мистер Робертсон”. Но его жена предпочитала, чтобы к ней я обращался “*мем-сахиб*”. Так называли женщин из Англии; мужчина был *сахиб*, женщина — *мем-сахиб*. По этой причине я даже не помню ее имени, хотя многим ей обязан.

Научившись неплохо стричь траву, я понял, что у меня остается уйма свободного времени. Тогда *мем-сахиб* попро-

сила помочь ей с уборкой дома. И я стал мыть лестницу, окна, подметал пол в кухне. А когда выяснилось, что я успеваю и это и у меня по-прежнему остается время — ведь всю свою жизнь я тяжело работал, — *мем-сахиб* велела помогать ей еще и на кухне.

Вот так все и началось.

Это было сродни волшебству. Словно я открыл в себе то, чем должен заниматься всю свою жизнь. Точно не помню первое поручение *мем-сахиб*. Может, порубить мясо на котлеты? Или замесить тесто? А может, нарезать морковь на салат? Не знаю. Не помню. Наверняка это было что-то простое, ведь я даже не знал, как двигаться, чтобы ничего не разбить.

Но с самого начала у меня было такое чувство, будто я родился на кухне. Будто я нашел то, чем Богу угодно, чтобы я занимался; то, что он выбрал для меня задолго до моего появления на свет.

Мем-сахиб не могла поверить, что я так быстро учусь. Она всего один раз показала мне, как правильно держать нож, а уже через несколько часов я довольно умело им орудовал. Всего один раз я посмотрел, как она печет пирог, — и на следующий день испек в точности такой же. Всего один раз мы приготовили стейк тибон, а уже на следующий день я смог все сделать сам. А ведь это очень сложный стейк: с одной стороны у него вырезка, с другой — тонкий край, а между ними позвоночная кость. Вырезку и тонкий край жарят по-разному. Штука довольно хитрая, и, честно тебе скажу, до сих пор не понимаю, как я во всем разобрался, не зная ни слова по-английски.

Я ничего не записывал. Писать — не мой конек. Но благодаря этому я учился еще быстрее: знал, что должен все запомнить. Позже, когда я руководил кухней в президентском дворце, я без всяких списков закупал продукты для ста с лишним гостей. Я мог купить сто цыплят и десять коз для приема, подобрать к ним овощи и специи и посчитать все это в уме, включая суп и десерт. И все всегда сходилось.